

НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ ◆ **НОВЫЕ ТАЙНЫ**

◆

ЧИТАЙТЕ ДЕТЕКТИВЫ
ОЛЬГИ ВОЛОДАРСКОЙ!
В НИХ НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ!

Кара Дон-Жуана
Последнее желание гейши
Хрустальная гробница Богини
Сердце Черной Мадонны
Король умер, да здравствует король
Принцип перевоплощения
Свидание с небесным покровителем
Клятва вечной любви
Ножницы судьбы
Неслучайная ночь
Подумай об этом завтра
Призрак большого города
Девять кругов рая
Страсть под чужим именем
Отвергнутый дар
Тайный дневник Лолиты
Лунный демон
Он бы отдал жизнь
Седьмая казнь
Две половинки темной души
Каждый день как последний
Гибельный голос сирены
Мемуары мертвого незнакомца
Дефиле над пропастью
Любовь как война
Красавица-чудовище
Нет дьявола во мне
Пикник на Млечном пути
Договор на одну тайну
Исповедь отшельника
Ответ перед высшим судом

Поединок с мечтой
Предпоследний круг ада
Земля перестанет вращаться
То ли ангел, то ли бес
Первая жизнь, вторая жизнь
Кукла затворника
Осколки хрустальной мечты
Шепот горьких трав
Обет без молчания
О чем молчит ветер
Нерассказанная сказка Шахерезады
Призраки забытых могил
Тревожное эхо пустыни
Я знаю, кто меня убил
Жена Синей Бороды
Найди меня под облаками
Там, где растает мой след
Воскреснуть, чтобы снова умереть
Проклятие Спящей красавицы
Письмо из ниоткуда
Когда заплачет розовый фламинго
Полюбить, так шпиона!
Наследники чужих судеб
Завещание свергнутой королевы
Свидание на краю бесконечности

Сериал
«Сокровища князей Шаховских»
Его величество случай
Карма фамильных бриллиантов
Наш грешный мир

ОЛЬГА ВОЛОДАРСКАЯ

НАСЛЕДНИКИ
ЧУЖИХ СУДЕБ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В68

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Володарская, Ольга.

В68 Наследники чужих судеб : роман / Ольга Володарская. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-244334-3

Оля вернулась в городок, с которым связаны ее лучшие детские воспоминания, спустя двадцать пять лет. Он был ее тезкой и казался самым спокойным местом на земле. Именно в Ольгино она умчалась, чтобы пережить личную драму, перезагрузиться. Поселилась в доме бабушки, старинном, некогда таком уютном, не догадываясь о скелетах, которые он хранил в своих шкафах...

Не успев обжиться, Оля узнала, что в доме когда-то было совершено убийство. Но этого мало: в спокойном на первый взгляд городке Ольгино во времена ее детства орудовал маньяк по прозвищу Гамлет. Если верить криминальной хронике и местной ясновидящей, он тоже вернулся спустя двадцать пять лет!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-244334-3

© Володарская О., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

И он уже не тот, что был вначале:
Чужие судьбы, став его судьбой,
Призвав, его уведят за собой...

Райнер Мария Рильке

Часть первая

Глава 1

Она не узнавала городок, в котором проводила в детстве все лето, но не была уже четверть века. Он похорошел, осовременился, стал опрятным, уютным. На месте деревянных бараков — пусть такие же однотипные, но симпатичные трехэтажные дома с балконами. Там, где была стихийная свалка, теперь баскетбольная площадка и тренажеры. Появились тротуары и прогулочные зоны. Есть кондитерские и кофейни.

— Жить можно, — подвела итог Оля и въехала на мост, разделяющий городок на две части: новую и старую.

Старая именовалась Сейминкой, по названию реки, на которой стояло село Ольгино, ставшее при Хрущеве городом. В ней преобладала дореволюционная застройка: большой мельзавод, торговые палаты, конторские помещения, церковь с полузаброшенным кладбищем, особняк купца первой гильдии Егорова и двухэтажные дома на каменных подклетах, принадлежавшие его приближенным. Эти прекрасно сохранившиеся строения тонули в зелени, Сейминка как была живописной, так и осталась. И она изменилась меньше, чем микро-

район. Разве что церковь было не узнать! При коммунистах в ней вязали веники, а в перестройку и это делать перестали и храм начал стремительно ветшать. Оля запомнила его полуразрушенным, но готовым к реставрации. И вот спустя двадцать пять лет Рождественская церковь, возведенная Егоровым на берегу Сейминки, приобрела первозданный вид. Облагородилось и кладбище: его обнесли новым забором, убрали бурелом и кирпичное крошево, выровняли покосившиеся кресты, выложили дорожки. Оля не удивилась бы, узнав, что на нем снова стали хоронить, поскольку погост не выглядел заброшенным.

Проехав мимо него, она свернула на проспект Ленина. В каждом населенном пункте такой есть. В Ольгино тоже. По большим праздникам его перекрывали, чтобы устраивать массовые гулянья на Новый год и Масленицу, Парады Победы. В День города, что отмечался в июне, Оля в числе коренных ольгинцев рвалась на проспект. А все из-за одного аттракциона: катания на телегах. В них запрягали лошадок из конюшни при совхозе, в повозку загружали детей (сидели друг на друге, но не жаловались), и они под присмотром кучеров объезжали бывшие владения Егорова. Было тесно, жарко, кто-то постоянно сваливался с телеги, кто-то запрыгивал, скрипели колеса, воняло конским навозом, потом, перегаром от извозчика, но лучшего аттракциона Оля припомнить не могла.

...Машину, за рулем которой Оля проехала четыреста километров, затрясло. Потом она начала

надрывно кашлять, но не заглохла, а продолжила движение, пусть и рывками.

— Потерпи, моя хорошая, — попросила ее Оля и ласково погладила приборную доску. — Остался какой-то километр, давай дотянем...

Эта колымага стояла в гараже больше семи лет и уже тогда была старенькой. Минивэн, на котором отец ездил на охоту, остался не у дел, когда его хозяин перебрался жить во Вьетнам. Сначала на зимовку подался, потом решил задержаться на год, но в итоге остался на ПМЖ. Там он женился на местной, родил сыновей, и у Оли в далеком Нячанге теперь есть мачеха и младшие братья. Всех их она видела только на фото, но не потому, что отец не хотел их знакомить. Звал дочь в гости, и не раз, но та все никак не могла собраться. То дела, заботы, то в Нячанге не сезон, а хочется еще и отдохнуть на славу, то денег нет. Отец прислал бы, Оля не сомневалась, но она не умела просить, да и как без подарков ехать?

Минивэн дотянул до нужного места. Заглох акурат возле высоких деревянных ворот. Они чуть покосились, облупились, но по-прежнему выглядели внушительно. Глядя на них когда-то, Оля представляла себя в русской народной сказке. В чернобелых фильмах Александра Роу за такими воротами и высокими заборами жили купчихи. В избах крепких, рубленых, с резными наличниками и петушками на острых крышах. Их дом был почти таким же. К нему имелась кирпичная пристройка, а мансарду украшала спутниковая тарелка. Без нее телевизор

только два канала показывал, а бабушка любила смотреть мексиканские сериалы и «Песню года». Но, по ее словам, когда-то дом выглядел именно так, как в черно-белых сказках Александра Роу. И построил его купец Егоров для одного из своих помощников, который являлся Олиным прапрадедом.

Она вышла из машины, потянулась. Кости захрустели, а голова чуть закружилась. Шесть часов ехала без остановок. Даже без «зеленой» обошлась.

— Эй, ты чего делаешь? — услышала она визгливый голос, когда принялась трясти ворота, которые не открывались, хоть Оля и отперла замок. — А ну прекрати ломать чужое имущество, а то полицию вызову!

— Здравствуйте, тетя Вера. — Этот голос тут же вспомнился, хоть Оля не слышала его двадцать пять лет. — Полицию не надо, свои.

Она обернулась и увидела крохотную старушку в шали, обмотанной вокруг головы. Она жила через дорогу и, очевидно, узрела Олю в окно.

— Ты кто? — спросила та и сделала несколько шагов навстречу нарушительнице спокойствия. — Сначала подкатила на большой машине, пыль подняла, навоняла выхлопными газами, собак кашлем мотора взбаламутила, теперь ворота ломает.

— Оля, внучка Анны Никифоровны.

— Внучка? — не поверила баба Вера и, сильно задрав голову, заглянула ей в лицо. — Которая из Москвы?

— Совершенно верно.

— Тебя не узнать.

— Выросла.

— Постарела. Тебе сколько? Сорок?

— Тридцать два.

— Выглядишь старше. — Она поджала сухие губы. — А мать твоя жива? — Оля кивнула. — Давно вас не видно было. Думала уже, что никто не приедет. Но хорошо хоть ты... — Баба Вера подошла к воротам, наклонилась и повернула щеколду, которую Оля не заметила. Ворота тут же поддались. — Дом протопи, чтоб просох, наполнился жизнью. Печка ее дает. Правильно Никифоровна сделала, что не сломала ее. Я, дура, сына послушалась, на газовое отопление перешла...

— Спасибо, тетя Вера. Увидимся еще.

Но старушка не думала отставать, поковыляла следом за Олей.

— В бане крыша подтекает, но мыться в ней можно. Там даже душевая кабина есть. На кухне плитка электрическая, холодильник рабочий (только рубильник включи, не забудь). В подполе полно запасов. Ставни на окнах заперты, но ты маслом помажь крючки, они откроются. В общем, дом готов к проживанию. Протопить его, прибрать, и будет лакшери виладж вилла!

Оля мысленно хохотнула, услышав последние слова. Бабульки нонеча не то, что давеча, продвинутые. Не только новости и сериалы по телевизору смотрят, но и молодежные передачи. Возможно, даже тиктокеров знают... В отличие от Оли. Она только старые фильмы включала, и то на компьютере, потому что ее телевизор безнадежно устарел. Она любила сказки, любые, и советские черно-белые, и французские по мотивам комиксов, и голли-

вудские, начиная с саг о хоббитах и кончая космическими приключениями рыцарей-джедаев.

— Тут осторожнее ступай. — Тетя Вера схватила Олю за локоть, не дав ей поставить ногу на порог. — Доски подгнили, гвозди поржавели.

Она уже и сама это видела. И ощущала запах сырости, затхлости, немного гнильцы. Зайдя в дом, в котором прожила бесконечное количество счастливых минут, не узнала и его. Тот, прежний, был наполнен теплом, ароматом полыни, что отгоняла моль, укропа, свежего и сушащегося, сдобы, вынутой из печи, герани, цветущей на подоконниках. Он был светел, приветлив и... Огромен! Пять комнат, кухня, пристройка, сени, мансарда... В свой первый приезд Оля в доме заблудилась, но ей тогда было всего три. Теперь тридцать два, и она вымахала настолько, что чуть ли не упирается в потолок. Люстру в «зале» точно заденет. Но, несмотря на все это, Оля, едва переступив порог, почувствовала себя дома.

— Сын с вами живет? — спросила она у тети Веры, с трудом распахнув окно в кухне.

— Борька? — Будто у нее другой был. — Почему со мной? С женой. — Оля помнила его прыщавым парнем с голосом, похожим на материнский, от которого шарахались все ольгинские девчонки. — А ты с какой целью интересуешься?

— Нанять его хотела для мелкого ремонта.

— Не советую. Руки у Борьки из задницы растут. Лучше Ванюшку позови, он хоть и глупенький, но мастеровой. Главное, правильную задачу перед ним поставить.

— Ванюшку? — переспросила Оля.

— Ты знаешь его. В «косом» доме живет.

«Косым» назывался дом, который чуть осел, когда Сейминка небывало разлилась и подтопила фундамент. В нем жила женщина по имени Марфа. Без мужа, но с тремя детьми. Все они появились на свет как будто по волшебству. Марфа ни с кем из мужчин замечена не была, но трижды рожала. Дети ее были друг на друга похожи внешне, но отличались и по уму, и по характеру. Старший был тупым и жестоким, его в семнадцать убили в драке. Средняя дочка выросла умницей, вышла замуж и уехала из Ольгино навсегда. С матерью остался Ванюшка. Пакет, как его называли в городе. Отстающий в развитии мальчик везде бегал с полиэтиленовыми мешками. Он набирал в них воздух. Зачем? Знал только он.

— Ты его совсем дурным помнишь, — будто прочитала ее мысли тетя Вера. — Он выправился немного с тех пор. Все благодаря Михалванычу.

— Это еще кто?

— Сейчас он директор нашей сейминской школы. А приехал к нам молодым специалистом и сразу взял класс ЗПРов. — Оля знала, что эта аббревиатура означает «задержка психического развития». — Настоял на том, чтоб Ванюшку мать в школу отдала. Она не хотела, говорила, зачем дурачку грамота, но Михалваныч до роно дошел, и Ваньку-Пакета отправили в десять лет в первый класс. Теперь он и читает, и считает, и говорит более или менее внятно.

— Может, он и воздух перестал в сумки набирать?

— Врать не буду, не перестал. Но хотя бы не носится с пакетами по улице, а то сбили его как-то машиной, прихрамывает теперь.

Оля понимала, что если тетю Веру не остановить, она продолжит вываливать на нее все городские новости за последние два десятка лет. Пришлось напомнить о дальней дороге, которую она преодолела за рулем не совсем исправной машины. Старушка обиженно поджала губы, но кивнула и зашагала к выходу. У двери приостановилась, обернулась и спросила:

— Знаешь, что бабка твоя на старом кладбище похоронена?

— Нет.

— Новый мэр распорядился церковный погост облагородить и продавать места на нем богачам. Самое дешевое сто тысяч стоит. Это у забора. А есть и по миллиону, там сам губернатор своего отца похоронил. По соседству со склепом купца Егорова.

— А какое моя бабушка имела отношение к богачам?

— Скопила она с пенсии как раз сто тысяч и купила на них себе место рядом с могилой родителей. Так что легко найдешь ее.

С этими словами тетя Вера покинула дом. Оставшись наконец одна, Оля обошла кухню, чтобы остановиться у печки и прильнуть к ней. С детства она любила обниматься с Манюшкой. Именно так ласково называла бабушка печь. Она разговаривала с ней во время готовки, поглаживала, затапливая, благодарила, когда вынимала из шестка пироги или котелки с картошкой, кашей, топленым молоком.

Манюшка была душой избы, поэтому в ней сейчас так неуютно. Оля знала, как все исправить.

— Сейчас я затоплю тебя, Манюшка, — сказала она печке и погладила по прохладной лежанке. Сколько ночей она провела на ней, сторожа домашнего. Ставила для него блюдце с молоком, дожидаясь момента, когда тот появится, но не выдерживала и засыпала... А утром находила блюдце пустым!

Хорошо, что бабушка научила ее растапливать печь. Не просто городскую — столичную девчонку. Любой навык может в жизни пригодиться, говорила она. И Оля согласно кивала. Она обожала и бабушку, и Манюшку, поэтому уже в шесть лет справлялась с довольно сложным процессом. Оставалось надеяться, что навык не утрачен.

Найдя дрова в подпечнике, Оля взялась за растопку. Пока делала это, вспоминала...

* * *

Отец Оли Геннадий был коренным москвичом, но из простой семьи. Его родители в шестидесятых годах двадцатого века приехали в столицу, чтобы работать на стройке, да так и остались, получив, как молодая семья, сначала отдельную комнату в общежитии, потом квартиру. Гена прописку получил при рождении, что, по мнению отца с матерью, давало ему привилегии. Не лимитчик, как они, а коренной москвич, считай элита. И все же они одобрили невесту Гены. Пусть провинциалка, зато умница (выпускница МГУ), красавица и, что немаловажно,

девственница. И это в двадцать четыре, когда на ее ровесницах пробы негде ставить!

Пожились быстро, сняли комнату в коммуналке, зажили не весело, но дружно. Молодая супруга писала диссертацию, Геннадий ее во всем поддерживал и очень гордился благоверной. Сам он умом не блистал, зато руками неплохо зарабатывал: восстанавливал машины после аварий. Ребенка родили только через три года и под большим давлением со стороны родителей Гены. Для того чтобы молодых мотивировать, квартиру им купили.

В декрете мама маялась. Ей хотелось вернуться на свою кафедру, заняться преподаванием, а также получить еще одно образование. Пеленки и бутылочки со смесями — это не ее. Материнство как будто тоже. Не сказать, что она не любила дочь, любила как могла, сдержанно, чуть отстраненно, и совершенно точно хорошо о ней заботилась. Отец же наоборот: купал в обожании, однако мало чем помогал супруге в уходе за малышкой. А так как дед с бабушкой много работали, чтобы выплатить кредит, что взяли на покупку жилья для детей, то Олю отдали в ясли в год. А в три впервые отвезли на все лето в городок Ольгино, поручив заботу о ней бабушке Анне Никифоровне.

Как же Оле было с ней хорошо! Милая, спокойная женщина, всю жизнь проработавшая в детской поликлинике медсестрой, она умела и развеселить, и успокоить, и увлечь, и накормить. Оля с трех лет и начала себя помнить, потому что столько событий за лето происходило, что эмоций выше крыши. Бабушка Аня ее и кур кормить научила, и сорняки

дергать, и веником париться, и щавель собирать, и пироги из него печь. Во всем Оля ей помогала и чувствовала себя взрослой. Это матери не нравилось.

— Ты зачем ребенка в свою копию превращаешь? — сердито выговаривала она матери по приезде в Ольгино в конце августа. — Она ведет себя как деревенская бабушка. Да и выглядит... — Мама срывала с Оли платок, подвязанный под подбородком, стягивала с ее ног калоши. — Хорошо еще, что не окает.

Бабушка возражала, но мягко. Дочь свою она очень любила, но немного ее побаивалась.

— Лучше бы читать Олю учила, — продолжала та. — Четыре года осенью будет, а ребенок половины букв не знает.

— Рано, дочка.

— Я в ее возрасте уже по слогам умела читать.

— То ты... Вундеркинд. А Оля — обычное дите. Ей в книжках только картинки интересны.

— Тогда пусть рисованием занимается, а не за курами ходит. Деревенские навыки ей ни к чему. — Это мама на будущее говорила, чтобы на следующее лето бабушка знала, чем внучку занимать.

И та старалась ее развивать, но Оле больше хотелось наслаждаться прелестями деревенской жизни. Огород, речка, лес, куда они с бабушкой по грибы ходили, болота, где она с ребятней с улицы ловила головастиков, старое кладбище, по которому с ними же бродила в поисках древних могил, — вот что увлекательно. Настоящие приключения, а не те, что описаны в книгах! В современную часть Ольгино де-

вочка тоже не рвалась, она была похожа на микро-район, в котором жила ее семья. Только в Москве дома выше, дороги шире, машин больше, люди друг с другом на улице не здороваются и ходят гораздо быстрее. И все же Оля в то лето научилась читать и изрисовала весь альбом, чтобы избавить бабушку от нравоучений собственной дочери.

Еще два лета, а с ними и года, миновало. Оля стала готовиться к школе. Мама не хотела отпускать ее из-за этого в Ольгино, но пришлось: в Москве за ней присматривать было некому, все работали, а в загородный лагерь девочка наотрез отказалась ехать. Сказала:

— Отправите — сбегу! — И прямо поджала губы.

Мать поверила в серьезность ее намерений и сдалась:

— Ладно, отвезу я тебя в Ольгино, но с условием: все книги, что я тебе дам с собой, ты обязана будешь прочитать.

Оля с этим согласилась, хотя так и не полюбила чтение.

...То лето было особенным! Не только беззаботным, богатым на приключения, жарким настолько, что ребятня с утра до вечера бултыхалась в реке, температура которой не поднималась выше восемнадцати, но и подарившим Оле тетю.

Она знала, что у мамы есть младшая сестра Алена. Родились они с разницей в полтора года и были внешне похожи как близнецы. Но, как все говорили, в том числе бабушка, только на фото. В жизни они отличались друг от друга кардинально и плохо

ладили. Когда старшая уехала в Москву, Алена выдохнула. Больше некому ее поучать и, что еще хуже, контролировать. Мягкая мать давала ей свободу, зато сестра житья не давала: не пускала гулять вечерами, заставляла учить уроки, мини-юбки в печку бросала, а саму Алену, если та красилась ярко, окунала в бочку с водой. Тиранила, в общем. С позиции не только старшей, но и сильной. В отличие от Алены сестра и по физкультуре пятерку имела, причем заслуженную. Она требовала от младшей малого: получить хотя бы среднее образование. Поэтому не дала уйти после девятого класса в ПТУ, как и после десятого сбежать с «женихом» в Крым.

Но Алена все же уехала туда, пусть и по окончании школы (получила-таки аттестат). В числе таких же выпускников на месяц, чтобы собирать урожай фруктов. Все по истечении срока домой вернулись, кроме Алены. Та осталась, влюбившись в Крым и... крымского татарина по имени Эскандер. За него Алена мечтала выйти замуж, да не приняла ее семья. Пришлось другого себе искать, потому что одной выживать в чужом краю тяжело. В двадцать Алена стала женой взрослого, серьезного, хорошо обеспеченного владельца гостиницы и ресторана при ней. Все считали, что ей повезло. Даже сестра, хотя именно ей Алена стеснялась признаться в том, что ее «молодой» разменял шестой десяток.

— Тебе именно такой и нужен, — без доли сомнений говорила она. — Мужчина, который заменит отца, но не папочку. — Сестры росли в неполной семье. — И твой супруг, я уверена, будет не баловать, а наставлять!

И не ошиблась... К большому Алениному разочарованию. Она именно о папочке мечтала и надеялась «перевоспитать» строгого мужа-отца. Но где там! Тот брал молодуху не для того, чтобы наряжать ее как куклу и выводить в свет всем на зависть. Мужчине нужны были наследники. Здоровые и красивые, как их мать. Их он готов был баловать. А женушка пусть будет рада тому, что живет в красивом доме, хорошо питается, не напрягается и иногда развлекается: морские прогулки и походы в горы — лучшее времяпрепровождение для людей любого возраста. Это и увлекательно, и для здоровья полезно.

Алена сбежала от мужа вскоре после ситцевой свадьбы. С таким же, как она, молодым, красивым и бедным. Уехала в Гурзуф, считавшийся местной Ибицей, устроилась вместе с любимым на работу в ночной клуб. Но и с ним не задержалась надолго.

— Прыгает из койки в койку, — негодовала старшая сестра. — Без капли стеснения, угрызений совести и сомнений в правильности своих поступков. И в кого она такая уродилась?

Старушка тяжело вздыхала. Она знала — в кого. О ее бабушке Ефросинье в Ольгино когда-то легенды ходили. Не по времени раскрепощенная, красивая, дерзкая, она сводила мужчин с ума. Даже купец-миллионщик Егоров, хозяин этих земель, перед ней не устоял. Он же замуж ее выдал, когда наигрался, приданое ей справил. Да только не жилось Фросе спокойно, тянуло налево. Даже глубоко беременной бегала к любовнику своему, кузнецу. От него, возможно, и родила дочку. А когда муж в Гражданскую